

Проф. дин Георги Атанасов на посещение на крепостта Судак, Крим, заедно с научният ръководител на обекта Игор Авенирович Баранов, неговия заместник Вадим Майко, Александър Герцен, Глеб Ю. Ивакин и други колеги

Особый интерес, проявляемый уважаемым юбиляром, проф. Георги Атанасовым, к истории византийских церковных древностей, несомненно охватывает таковые не только обнаруженные в Болгарии, но и за ее пределами, в иных регионах, некогда принадлежавших византийскому миру. Одним из таких регионов являлся Крымский полуостров.

проф. Сергей Борисович Сорочан

О ментальном значении сакрализации пространства византийского Херсона

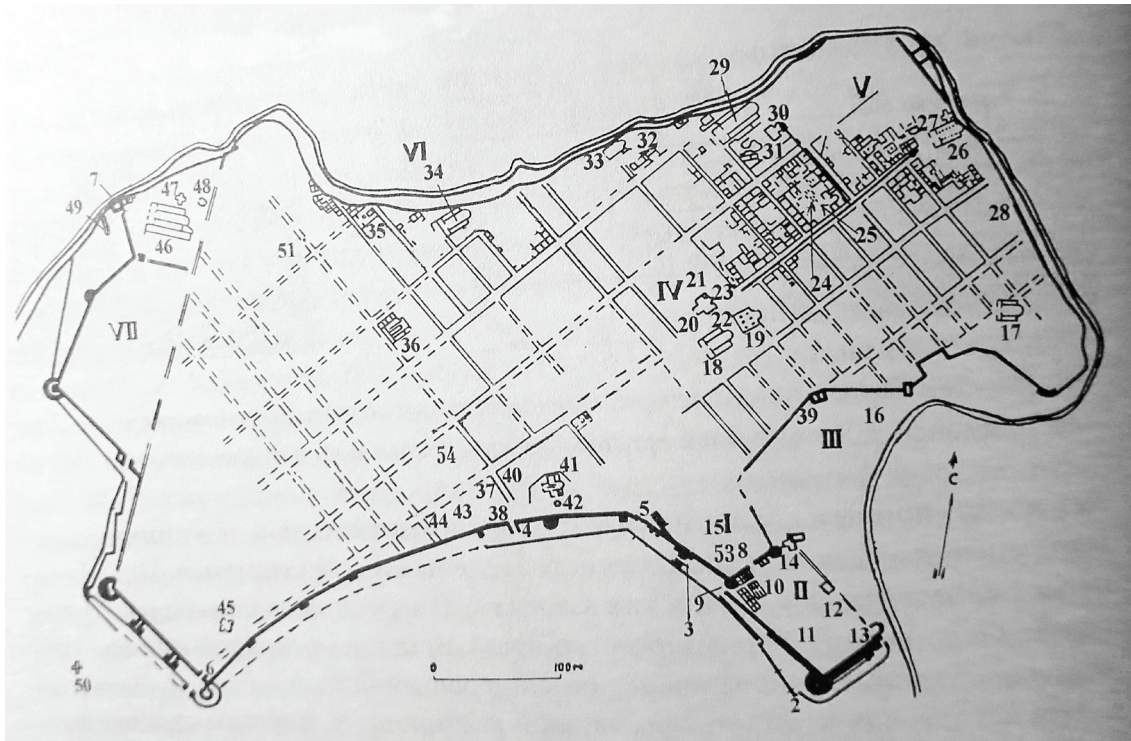
В VI в. Херсонес, или Херсон, как с этого же времени его все чаще стали именовать в письменных источниках, пережил строительный бум, вылившийся в массовое строительство самых разных сакральных, культовых христианских сооружений, которые стали предметом пристального изучения нескольких поколений исследователей города¹. Но оценивая их зачастую прежде всего как археологические памятники, они не задавались вопросом, какое значение несли эти памятники в сознании самих херсонеситов, насколько они были связаны с тем, во что верили ромеи. Дешифровка культурных кодов византийского общества относится к числу проблем, решение которых находится в зачаточном состоянии. Даже специалистам задача исторической реконструкции и интерпретации конкретных сакральных пространств в Византии и их изучение как особого вида духовного творчества представляется делом будущего². Этим вопросом тем более стоит задаться, поскольку расхожее объяснение, что такого творчества требовала вера, требовала Церковь, нисколько не объясняет, почему они этого требовали, с какой целью, иными словами – чего добивались ромеи, а вслед за ними и херсонеситы, подданные – ипики благочестивых василевсов, создавая все новые и новые культовые сооружения. Одни экономические и политические критерии здесь недостаточны. Ответ явно уводит в сферу общественного сознания, в духовные, ментальные установки, которые и следует искать, четко выделять, определять. Репрезентативные херсонесские материалы VI–X вв. представляют для этого достаточное поле исследования и наиболее многочисленные и интересные из них, числом около полусотни, охватывают период с момента утверждения в городе христианства до его окончательного становления к концу раннего средневековья.

Прежде всего надо учесть, что сравнительно недавно укрепившаяся в сознании людей религия нуждалась в разработке первых литургических программ возможных маршрутов стациональных шествий и церемоний, связанных с календарем дней памяти святых, почитанием небесных покровителей, местных мучеников и церковных реликвий, короче, – в создании собственной обрядной, привязанной к знакомой топографии „героической истории“, которая бы потеснила еще живые воспоминания об античных богах и местах их культа³. Без этого невозможно было бы обладание соответствующими мощами чтимых святых и мучеников, а значит, превращение города в значительный центр малого паломничества, хотя бы для жителей ближайшей и дальней округи. Но самое главное, – на что исследователи Херсона не обращали должного внимания, – без указанного выше снижалось еще более жизненно важное, – осознание защищенности небесными силами, – культурный код, столь необходимый византийскому обществу, проникнутому сакрализацией, мистикой связи сакральных пространств. Гробницы рядом и внутри церквей, молелен, „крытые кладбища“ вблизи маририев, мемориев служили гарантом сохранения семейной, родовой памяти – здесь хоронили предков, ктиторов, их наследников – эпитропов, попечителей церковных учреждений, привилегированных лиц, здесь возносили молитвы во спасение их душ и за процветание их потомков. К слову, вплоть до появления на

¹ Вместе с историографией вопроса подр см.: **Сорочан, С.Б.** Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005, с. 680–1028; **Сорочан, С.Б.** Проблемы исторической и христианской топографии Херсонеса в контексте Житий свв. епископов Херсонских. – В: Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического (= Нартекс. Byzantina Ucrainensia, 1, 2012, с. 132–202; eds. Могаричев, Ю.М., Сазанов, А.В., Саргсян, Т.Э., Сорочан, С.Б., Шапошников, А.К.).

² **Лидов, А.М.** Реликвии как стержень восточнохристианской культуры. – В.: Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. Москва, 2003, с. 9.

³ **Зубарь, В.М.** Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. – В.: Византийская Таврика. Киев, 1991, с. 20.

План раннесредневекового Херсона

I–III. Нижняя часть города; I. Юго-восточный район; II. „Цитадель“; III. Портовый район;
IV. Верхняя часть города и большая агора; V. Северо-восточный район; VI. Северный район;
VII. Западный район

1. Южный загородный Влахернский монастырь с храмом Богоматери Девы Марии; 2. Клавикула у башни “Зинона” (№ XVII) и внешние ворота, ведущие в город через перибол; 3. Внутренние ворота в периболе между башнями XV и XVI; 4. Южные ворота города (“Ворота мертвых”); 5. Сводчатая калитка в куртине 15 рядом с башней XIV; 6. Западные ворота города (“Святые ворота”, “Красивые (Прекрасные) ворота”); 7. Калитка около башни I; 8. Калитка в куртине 18; 9. Калитка около башни XVI; 10. Комплекс фемного претория X в. с гарнизонной базиликой и баптистерием; 11. Так наз. „дом командира“; 12. Баня VI–IX вв.; 13. Башня Сиагр (№ XVIII); 14. Башня XX; 15. Здание апофики – склада государственных грузов и магазина; 16. Птохион Св. Фоки Навта; 17. Базилика Крузе (№7); 18. Базилика № 28; 19. Крестовокупольный храм № 29; 20. Крестовидный храм № 27 (церковь Св. Василия); 21. Подземная водосборная цистерна с камарным перекрытием; 22. Эмвол между храмами № 28 и № 29 („палата Владимира”); 23. Потестраное здание за алтарной апсидой храма № 27 („палата Анны”); 24. Баня в квартале III; 25. Церковь-мартирий с подземной криптой в квартале III; 26. Восточная площадь с храмом апостола Петра (базилика № 36); 27. Церковь № 17; 28. Общегородской и таможенный архив моливдовулов; 29. Так наз. “Большая базилика”, или кафоликон Апостолов Петра и Павла (базилика № 23); 30. Базиликальный храм „А“ (церковь Св. Прокопия?); 31. Баптистерий центрического типа; 32. Баня VI–X вв. в квартале IX; 33. Северная базилика № 22; 34. Базилика 1935 г. с крещальной; 35. Базилика 1932 г.; 36. Так наз. „базилика в базилике“ (№ 15) с крещальной; 37. Так наз. „так называемая малая агора“; 38. Большой афедрон у куртины 13; 39. Малый афедрон; 40. Потестарное „здание Г“; 41. Крестовый храм № 19 (церковь Свв. Сергия и Вакха?); 42. Так наз. „храм 1958 г.“; 43. Большое городское водохранилище (castellum aquae); 44. Больница (иатрина); 45. Тетраконхальный мартирий № 47; 46. Так наз. „Дом Св. Леонтия“ (Западная базилика № 13) с носокомионом; 47. Крестовидный кимитирий (№ 11); 48. Мартирий Св. Василия со склепом; 49. Ров перед куртиной I; 50. Меморий Анастасис в честь чуда оживления отрока Св. Василеем отроком и западный загородный храм Св. Созонта; 51. Так наз. „базилика на холме“ (№ 14); 52. Загородный однефный храм на Девичьей горе (открытый в 1902 г.)

западном пригородном кладбище крестовидного храма Св. муч. Созонта, воздвигнутого не ранее конца VIII в.⁴, меморий Св. Воскресения – Анастасиса, переделанный из склепа, вполне мог быть до эпохи иконоборства центром мемориального и маририального культа этого района загородного некрополя Херсона, и, вероятно, намеренно был лишен наземной церкви, чтобы ничем не скрыть столь необычную святыню от паломников и сделать ее более жизненной.

Подобные, очевидно, не случайно совпадающие во времени строительства обнаруживаются еще у двух объектов культового характера, тоже связываемых некоторыми исследователями с текстом Житий семи священномучеников Херсонских, а именно, у теофанического тетраконхального купольного мемория № 47, построенного к концу VI в., как предполагают, на месте легендарной известьобжигательной печи, связанной с чудом епископа Капитона и массовым крещением херсонитов, а также у Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии, расположенного против Южных („Мертвых“) ворот, среди известных из агиографии „святых могил“, в том числе могил легендарных Евгения, Агафодора и Елпидия, первых мучеников – епископов, преемников епископа Св. Василия, чей частный культ существовал в городе⁵. Возведение нового большого храма во имя первоверховного апостола Петра, очевидно, в виде Восточной базилики № 36, на месте, издавна именуемом херсонитами Парфенон или Парфенеон, находит обоснование в зафиксированном в Житиях рассказе о деятельности епископа Капитона и опять-таки произошло к концу VI в.⁶ Не исключено, что в очень близкое время в комплекс большой агоры города вошел центральный крестовидный храм № 27, интерпретируемый как летописная церковь Св. Василия (Василия), поблизости от которой херсониты ранее возвели памятный столп (ta kyona) с крестом для поклонения на месте убийства своего легендарного епископа⁷. Яркими примерами сакрального „освоения“ удаленного пространства на окраине города служат и оборудование мемория из упомянутого склепа с росписью на хорошо известную агиографическую тему Чуда со Св. Воскресением отрока, и создание монастырского комплекса Западной базилики Св. Леонтия рядом с маририем Св. муч. Василия.

Все эти памятники устанавливали незримые связи между ними и святыми города, некое „силовое поле“, по укоренившейся традиции сакрализующее всю территорию Херсона и даже выходящее за его пределы через такие загородные „ретрансляторы“ как храм – маририй Влахернского монастыря Девы Марии Влахернской и меморий Анастасиса⁸. Следовательно, это были стройки одного порядка, наполненные одним смыслом, нашедшим место для реликвий в истории, причем почерпнутой из одного „программного“ агиографического памятника, какими стали Жития епископов Херсонских⁹. Сам рост специализации пространств указанных сакральных комплексов, больших ансамблей, их усложнения, связи с мемориальным и маририальным культом указывают на эволюцию, одной из ведущих причин которой могло стать именно развитие паломничества, как это отмечается и в других регионах византийского мира в VI–VIII вв.¹⁰ Это же обстоятельство вызывало расчленение и перенос святых мощей, этих „не

⁴ Сорочан, С.Б. Византийский Херсон..., с. 821–826, рис. 190; Романчук А.И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2: Византийский город. Екатеринбург, 2007, с. 256–257, 410.

⁵ Подр. см.: Сорочан, С.Б., Зубарь, В.М., Марченко, Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003, с. 13–28, 198–202; Сорочан, С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской. – В.: Херсонесский сборник, 13, 2004, с. 211–232; Сорочан С.Б. Византийский Херсон..., с. 787–819, Фомин, М.В. О катакомбе-маририи херсонесского храма Богородицы Влахернской (некрополь как философско-религиозное понятие). – В.: Культ святых мест в древних и современных религиях. VII Междунар. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2005, с. 55; Сорочан, С.Б. О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богоматери Влахернской. – В.: Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник, 8, 2009, с. 168–178.

⁶ Сорочан, С.Б., Зубарь, В.М., Марченко, Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000, с. 577–584; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь, с. 116–120; Сорочан С.Б. Византийский Херсон..., с. 875–886.

⁷ Сорочан, С.Б. Византийский Херсон..., с. 886–908.

⁸ Ср.: Суриков И.Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса. – В.: Восточная Европа в древности и средневековье. XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 2006, с. 184.

⁹ Сорочан С.Б. О датировке Житий свв. епископов Херсонских. – В.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. VI Боспорские чтения. Керчь, 2005, с. 270–274.

¹⁰ Ср.: Akten des XII internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Bonn, 22.–28. September 1991. Bd. 1–2. Citta del

знающих отдыха костей“, как их назвал Джеймс Бентли¹¹. Феодор Киррский уже в V в. писал по этому поводу: *Тела святых не скрывает могила, но их делят между собой города и деревни, и называют их спасителями души и врачевателями тел, их почитают как стражей и хранителей городов... и притом что тело бывает разделено, благодать остается неделимой*¹². Обретение реликвий и их участие в целом ряде литургических, праздничных и политических ритуалов оказывало постоянное влияние на структуру сакрального пространства византийского Херсона, а сам он получал совсем новую значимость и облик через архитектурное осмысление святых мест, связанных с мучениками и чудесами Господа.

Согласно религиозно-политической, мистической концепции византийцев, утвердившиеся и множившиеся христианские святыни должны были обеспечивать чудотворную защиту богоспасаемой Империи, каждого ромея и служить знаком высшей власти. Ради этого реальное уступало местолегендарному, спиритуальному, которым жертвовали даже тогда, когда приходилось вести сакральное строительство в местах неудобных, как это особенно отчетливо видно в Херсоне на примерах западного комплекса „дома Св. Леонтия“, возведенного на обрывистом берегу на мощных агрессивных глинах, теофанического мемория № 47, построенного на крутом, неудобном склоне, загородного паломнического комплекса с мартирием Св. муч. Климента Римского, размещенного на затопляемом островке в Казачьей бухте только потому, что так настойчиво требовал синтез конкретной исторической топографии и христианской агиографии¹³. При этом особенность спиритуальности херсонитов, их „истории памяти“, как и „истории памяти“ прочих ромеев, заключалась в том, что они ставили примат веры над жизненными реалиями, обстоятельствами, добиваясь тем самым максимальной сакрализации своего общества, утверждения репутации, восхваления своего города как „средоточия святости“ и укрепления веры в непобедимость государства, имеющего такое могущественное покровительство.

About the mental meaning of space sacralization in Byzantine Cherson

Sergey B. Sorochan / Harkiv

The article attempts to raise the issue of the mental meaning of sacred, religious monuments which existed in the Byzantine Cherson. Most of them belong to 6th – 10th centuries. As well as in Byzantium, for contemporaries they had a significance not only revered shrines, but they also represented an important cultural code of society, a kind of protective field of celestial forces. These religious monuments were “repeaters” of such holiness which extended itself to the whole territory of the empire. This important point of public consciousness explains why during the construction of such facilities sometimes Romans donated their own real comforts in favor of spiritual creativity.

Vaticano; Münster, 1995; Michel, A. Les églises d'époque byzantine et ummayyade de la Jordanie. Ve–VIIIe siècle. Typologie architecturale et aménagements liturgiques avec catalogue des monuments. Turnhout, 2001.

¹¹ Bently, J. Restless Bones: The Story of Relics. London, 1985.

¹² Theodoretus Episcopi Cyrenensis. De martyribus. In: Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurate J. P. Migne. Patrologiae graeca. T. 83. Parisiis, 1860, col. 1012 B.

¹³ Сорочан, С.Б. Византийский Херсон..., с. 851–857, 922–929; Сорочан, С.Б. О паломническом комплексе во имя мученика Климента Римского в округе византийского Херсона. – Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, № 908, 2010 (Історія. вип. 42), с. 29–39.